

Е. А. ГРИШИНА

**ЗДЕСЬ И ТУТ:
КОРПУСНОЙ И ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛНЫХ
СИНОНИМОВ***

1. Введение

Развитие корпусной лингвистики позволяет исследовать смысловые различия между синонимами, которые традиционно считаются полными. Утверждение, что данные слова являются полными синонимами, на практике означает, что исследователю не удастся подобрать контекст, в котором один из синонимов был бы возможен, а второй — нет, т.е. контекст, в котором замена одного синонима на другой породила бы неправильное, бессмысленное высказывание или резко меняла бы смысл исходного высказывания¹. При использовании полных синонимов X и Y в одном и том же контексте а...b смысловозначительный максимум, которого удастся достичь, формулируется следующим образом: аXb значит совершенно то же самое, что аYb, но почему-то носители языка предпочитают первую комбинацию второй.

Иногда причины такого немотивированного предпочтения лежат на поверхности: например, особенности сочетаемости в парах *языковедение* — *языкознание*, *языковедение* — *лингвистика* связаны с относительной малоупотребительностью первого члена пары по сравнению со вторым; особенности же сочетаемости в паре *языкознание* — *лингвистика* определяются различием в предмете и методике исследования (*сравнительно-историческое языкознание*, но *корпусная лингвистика*).

Однако в ряде случаев различия в значениях полных синонимов невозможно обосновать очевидными хронологическими и стилистическими факторами, и тогда наличие в языке двух слов, которые значат одно и то же, относятся к одному и тому же стилистическому и хронологическому регистру и во всех контекстах взаимозаменяемы без какого-то заметного ущерба для смысла, кажется необъяснимым и парадоксальным.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть одну такую пару синонимов, которые традиционно признаются полными, а именно — местоименные наречия *здесь* и *тут* (последнее — в пространственном значении).

Мы исходим из двух предположений.

1. Во-первых, мы считаем, что если в языке устойчиво используются два равнозначных слова, между которыми нет заметных стилистических и частотных различий, то это не случайно: в таком случае следует предполагать действие каких-то семантических или прагматических факторов, влияющих на выбор одного из пары синонимов, которые невозможно определить и сформулировать с помощью мены синонимов в одном и том же контексте. Исходя из этой презумпции, мы считаем, что невозможность подобрать контрольный контекст, который бы однозначно предпочитал один синоним другому, означает, что факторы, различающие полные синонимы, недостаточно отрефлектированы в языке, не имеют своих собственных форм выражения, прежде всего в виде тех или иных смысловых компонентов слова, и, соответственно, не будучи выражены, не могут

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и 11-06-00030.

¹ Основываясь на данной методике, блестящих результатов в исследовании русской синонимии достигла Московская семантическая школа, ср. [НОСС 2004].

вступать в контрверзы с семантическими компонентами слов и конструкций, формирующих те или иные контексты.

Мы только что упомянули о ситуации, когда между полными синонимами нет заметных стилистических и частотных различий. Но верно ли это для полных синонимов *здесь* и *тут*? Что касается стилистических различий, то существует устойчивое представление, что *здесь* — более литературное слово, чем *тут*, т.е. последнее относится, скорее, к стихии разговорной речи (представление это восходит, по-видимому, к рекомендациям словаря Ушакова, характеризовавшего *тут* как разговорное). Но если это так, то в разговорной речи *тут* должно употребляться чаще, чем *здесь*, и наоборот, для письменной речи более характерным должно быть наречие *здесь*. Частотный словарь [Ляшевская, Шаров 2009], созданный на базе Национального корпуса русского языка, позволяет проверить это предположение (данные приведены в табл. 1).

Таблица 1

Жанр Наречие	Корпус письменных текстов	Художественная литература	Публицист ика	Другая нехудожественна я литература	Устная речь
<i>здесь</i>	796,8	951,0	746,2	594,4	1311,6
<i>тут</i>	879,2	1409,2	648,7	314,5	1853,3
коэффициент	0,9	0,67	1,15	1,89	0,7

Как видим, водораздел проходит вовсе не между письменной и устной речью: данные по устной речи практически повторяют данные по художественной литературе и лишь немного отличаются от данных по всему корпусу письменных текстов. Если продолжать настаивать на разговорности *тут* по сравнению с *здесь*, то можно было бы считать, что высокий уровень использования наречия *тут* в художественной литературе естественным образом отражает наличие в ней диалогов, для которых как раз и характерна такая разговорная единица (в публицистике и других нехудожественных текстах диалогов либо минимальное количество, либо нет вообще, поэтому в них явно преобладает наречие *здесь*). Однако если придерживаться такой концепции, то непонятно, почему соотношение *здесь* и *тут* в устной речи так мало отличается от соотношения *здесь* и *тут* в речи художественной литературы — ведь устный корпус в рамках НКРЯ содержит в основном диалогическую речь, которая соотносится с диалогами в художественной прозе и драме, и очень небольшое монологических текстов (лекции, доклады, монологические интервью, спортивные комментарии), которые можно стилистически приравнять к авторской речи в художественной прозе.

Мы признаем, что тяготение *здесь* и *тут* к разным речевым жанрам, которое отражается в статистике, — объективный факт, но полагаем, что объяснение этому лежит не в стилистической, а в семантической плоскости, т.е. разная частотность этих наречий в разных речевых жанрах определяется различиями в их значениях. Позже мы вернемся к этому вопросу.

2. Второе предположение касается уже конкретно слов *здесь* и *тут*: поскольку эти слова являются дейктическими, то, с нашей точки зрения, семантические различия между ними, если они паче чаяния будут обнаружены, должны так или иначе отразиться в дейктических жестах, сопровождающих эти местоименные наречия в устной речи. Здесь мы исходим из предположения К. Мюллер [Müller 2008], подтвержденного нами в работе [Гришина 2011а], о том, что в устной речи достаточно часто встречаются т.н. мультимодальные кластеры, т.е. устойчивые сочетания явлений разных модусов (смыслового, жестикуляционного и/или фонетического), каждое из которых на своем уровне

своими средствами передает одно и то же значение. Таким образом, мы считаем, что сочетания дейктических слов и дейктических жестов представляют собой мультимодальные кластеры и, соответственно, различия в семантике дейксисов должны тем или иным способом отражаться в сопровождающей их жестикуляции.

В заключение отметим, что наречия *здесь* и *тут*, будучи дейксисами, выполняют в речи три основные функции: 1) собственно дейктическую, т.е. указание на некоторое место, находящееся перед глазами говорящего, 2) анафорическую (реже — катафорическую), т.е. отсылающую к некоторому месту, упомянутому в предшествующем речевом потоке (или тому, которое говорящий планирует упомянуть позже), и 3) функцию, которая в [Бюлер 1993] была названа дейксисом к воображаемому, т.е. указание на отсутствующее в зоне непосредственного наблюдения или не существующее в реальности место. Вторая и третья функции «исторически» восходят к первой. Как пишет Бюлер, «при анафоре речь обращена, так сказать, сама на себя, вперед или назад. В остальном же ... это те же указательные слова, употребляющиеся повсюду» [Бюлер 1993: 114]. Аналогичным образом автор трактует *Deixis am Phantasma* — как мысленное перемещение объекта указания к указывающему субъекту или, напротив, как мысленное перемещение указывающего субъекта к объекту указания, при сохранении *самого дейктического механизма*, «ведь функция, выполняемая указательным пальцем и его эквивалентами, никогда не исчезает полностью и не вытесняется...» [Бюлер 1993: 75]. Именно поэтому мы в дальнейшем изложении не будем различать эти три способа использования дейктических слов. Поскольку сама схема использования дейксисов во всех этих трех случаях едина, различие состоит только в том, что именно является объектом указания: реальный объект в поле зрения говорящего, некоторая зона в потоке речи или воображаемый объект — семантические же характеристики дейксиса от этого существенным образом не меняются.

2. Корпус как инструмент анализа полных синонимов

В результате активного строительства корпусов и создания электронных библиотек и, соответственно, развития корпусной лингвистики, полная синонимия стала привлекать к себе повышенное внимание. Так, например, в работе [Лауфер 2007] на материале Национального корпуса русского языка была исследована пара полных синонимов *надо* и *нужно*. В работе [Андреева 2011] на материале англо-русского и русско-английского параллельных корпусов были описаны различия между русскими словами *мораль* и *нравственность* и их соотношение с английским *morality*.

Интересно, что в обеих работах в качестве скрытых факторов, влияющих на выбор синонимов, названы сходные явления. В работе [Лауфер 2007:358] делается вывод, что *нужно* обозначает субъектно-ориентированную ситуацию, а *надо* передает ситуацию, не учитывающую ничьи интересы; *нужно* обозначает ситуацию, к которой говорящий испытывает эмпатию, *надо* используется в основном для описания ситуации, с которой говорящий себя не ассоциирует, на которую смотрит со стороны. В работе [Андреева 2011:75] утверждается, что «мораль ... означает некие принципы, социальные по своей сути и так или иначе воспитываемые в человеке обществом», общественная же мораль, «которая стала индивидуальной, воспринятой конкретным человеком..., становится его нравственностью». Как видим, в обоих исследованиях в качестве по крайней мере одного из факторов, влияющих на выбор того или иного синонима, является

противопоставление личного — общественного, субъективного — объективного, субъектного — объектного. Ниже мы еще вернемся к этим противопоставлениям.

Прежде чем перейти к описанию и анализу материала, обозначим в явном виде ту методику работы с корпусом, которая будет использована в данной статье². Поскольку, как мы уже писали выше, факторы, влияющие на выбор одного синонима из пары, не приводят (может быть, временно, на данном этапе развития языка) к формированию специальной зоны в значении синонима, которая могла бы противоречить тем или иным семантическим компонентам в ближайшем контексте, о наличии таких факторов мы можем судить только по статистическим характеристикам сочетаемости данного синонима. Имеется в виду следующее. Чем более четко сформирован в семантической структуре данного слова тот или иной семантический компонент, тем жестче он взаимодействует с семантической структурой контекста. В пределе, четко оформленный семантический компонент значения (в ассертивной ли, в пресуппозиционной ли зоне значения) может предъявлять к контексту настолько жесткие требования, что в данном семантическом окружении становится возможным только один из пары синонимов. Напротив, если семантический компонент оформлен нечетко, то его требования к контексту существенно мягче. В этом случае мы можем заметить этот компонент значения только с помощью статистических данных. Для этого следует определить типичные контексты для данного синонима и провести их количественный анализ. Так, для предиката такими типичными контекстами будут субъектный контекст (основные типы субъектов, характерные для данного предиката), обстоятельственный контекст (основные способы совершения данного действия или осуществления данного состояния), актантные контексты (основные способы заполнения валентностей данного предиката). Для существительного показателны атрибутивные, предикатные, количественные контексты, для прилагательного — именные, обстоятельственные контексты и т.д. На материале корпуса должны быть собраны все возможные заполнения той или иной позиции, признанной существенной для данного слова, а затем проведен их количественный анализ. В случае, если исследуемая конструкция была выбрана правильно (что заранее предсказать невозможно) и при этом было собрано достаточное количество примеров (т.е. корпус оказался достаточно представительным), удастся определить, какие именно сочетания предпочитает каждый из исследуемых синонимов, что позволит перейти к тем или иным обобщениям, констатирующим наличие или отсутствие «мягкого» компонента значения в каждом члене синонимической пары.

Более конкретно приемы статистического анализа будут описаны нами ниже.

3. Здесь и тут

3.1. *Здесь/тут* и предикаты местоположения

Поскольку полные синонимы *здесь* и *тут*³ функционируют как наречия, важными для них, очевидно, являются **предикатные** контексты. Далее, поскольку

² Отметим, что сходные методики использованы и в обеих цитированных работах — в явном, как в работе Н.И. Лауфер, или в скрытом, подразумеваемом формате, как в работе Е.Г. Андреевой.

³ Уточним, что в дальнейшем изложении весь материал брался из Национального корпуса русского языка, но не из всего объема корпуса, а из текстов второй половины XX — начала XXI вв. Это связано с тем, что, по-видимому, в середине XX в. в употреблении *здесь* и *тут* в письменных текстах произошел некоторый перелом, пока невыясненного характера, который, во

здесь и *тут* являются местоименными наречиями, отсылающими к местоположению объекта, то рассматривать, по-видимому, следует прежде всего сочетания этих слов с **предикатами местоположения**.

Предикатами местоположения мы будем считать не все предикаты, которые включают в себя сему 'расположение в пространстве', а только те, для которых заполнение валентности пространственного расположения является обязательным. Обязательным заполнение данной валентности мы считаем в том случае, если 1) предикат без заполнения данной валентности не употребляется (*находиться, быть расположенным, прожить, проживать, ютиться, покоиться, храниться, скрываться, представлять, раскинуться, выситься*), 2) предикат *может* употребляется без заполнения данной валентности, но в таком случае мы имеем дело с его абсолютным употреблением, т.е. если при предикате не заполнена валентность местоположения, то при нем не должна быть заполнена и временная валентность (*располагаться, размещаться, разместиться, расположиться, жить, пережить, сидеть, лежать, висеть, стоять, существовать, бытовать, сохраниться, скрываться 'прятаться', таиться*⁴).

Всего было рассмотрено 5032 контекста с данными предикатами; контексты были разбиты на три группы (см. табл. 2а).

Здесь мы должны сделать специальное отступление, чтобы описать **методику работы** с полученными статданными. Во-первых, распределения анализируются по методу χ -квадрат, чтобы проверить их достоверность. Достоверность определяется как значимое отклонение от теоретически ожидаемых средних распределений. Методика расчета степени достоверности методом χ -квадрата хорошо известна, поэтому мы не будем ее здесь описывать. Укажем только, что для данных в табл. 2а $\chi^2=296,4$, т.е. уровень достоверности очень высокий, а следовательно, разделение предикатов местоположения на предложенные группы существенно для различения местоименных наречий *здесь* и *тут*.

Таблица 2а

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N
Группа 1: собственно предикаты местоположения ⁵	817	146	0,7
Группа 2: предикаты проживания ⁶	1487	417	0,56
Группа 3: предикаты позиции ⁷	1270	895	0,17
Всего	3574	1458	
$\chi^2=296,4$; $p \leq 0,01$, параметры связаны, распределения достоверны			

Далее мы используем для анализа данных критерий нормированной дельты, который мы уже применяли для анализа крупных групп прилагательных в работе [Гришина 2010]. Нормированная дельта Δ_N применяется для того, чтобы

в любом случае, отразился на относительных статистических характеристиках этих слов. Поэтому все, изложенное ниже, характерно для современного русского языка, для предшествующих же эпох его развития закономерности могут быть иными.

⁴ Контрольными контекстами для этих предикатов может послужить, например, *Р на рассвете* или *Р в прошлом году*, в зависимости от особенностей предиката: **Располагаться на рассвете*, **Сидеть на рассвете*, **Храниться в прошлом году*, но *Располагаться в лесу на рассвете*, *Сидеть на берегу на рассвете*, *Храниться в запасниках в прошлом году* и т.д.

⁵ *Находиться, располагаться, быть расположенным, размещаться, разместиться, расположиться, существовать, бытовать, храниться, покоиться, сохраниться, скрываться, таиться, представлять, раскинуться, выситься*.

⁶ *Жить, прожить, проживать, пожить, пережить, ютиться*.

⁷ *Стоять, лежать, сидеть, висеть*.

наглядно показать, в каком направлении и в какой степени отклоняются друг от друга одни и те же показатели для двух разных слов. Вычисляется Δ_N по следующей формуле:

$$\Delta_N = (Я1 - Я2) / (Я1 + Я2), \text{ где } Я1 \text{ и } Я2 \text{ — данные в соседних ячейках.}$$

Так, для группы «собственно предикаты местоположения» (строка 1 в табл. 2а) и для наречия *здесь* значение $Я1=817$; для этой же группы предикатов и наречия *тут* $Я2=146$. Следовательно, $\Delta_N = (817 - 146) / (817 + 146) = 671 / 963 = 0,7$.

Аналогичным образом получаем $\Delta_N = 0,56$ для предикатов проживания и $\Delta_N = 0,17$ для предикатов позиции.

Видим, что значения Δ_N для трех групп предикатов различаются в существенной степени. Для того чтобы сделать картину более наглядной, проведем операцию экстраполяции. Как видно из табл. 2а, наречие *здесь* в контексте предикатов местоположения и пребывания употребляется в два с лишним раза чаще, чем наречие *тут* (3574 vs. 1458). Предположим, что мы увеличили наш исходный корпус и отобрали из него только контексты местоположения с наречием *тут* — так, чтобы количество контекстов с *здесь* и с *тут* выровнялось. Экстраполяция заключается в предположении, что добавленные нами контексты с наречием *тут* распределятся по группам предикатов в той же пропорции, что и в исходном корпусе. Полученную в результате экстраполяции дельту обозначим Δ_E ⁸. Чем ближе экстраполированная дельта к нулю, тем менее различительным является данный параметр. Чем сильнее экстраполированная дельта отличается от нуля, тем больше различительная сила данного параметра. Естественно, что чем больше исходное количество обследованных контекстов, тем более надежной будет наша экстраполяция. Результаты приведены в табл. 2б.

Таблица 2б

Предикатные контексты для *здесь* и *тут*

Группа предикатов	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Группа 1: собственно предикаты местоположения	817	146	0,7	0,28
Группа 2: предикаты проживания	1487	417	0,56	0,14
Группа 3: предикаты позиции	1270	895	0,17	-0,25
Всего	3574	1458	0,42	0

$\chi^2=296,4$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны

Значения экстраполированной дельты показывают, что контексты с предикатами проживания недостаточно специфичны для распределения наречий *здесь* и *тут* (значение $\Delta_E = 0,14$), хотя их «требования» к выбору между *здесь* и *тут* существенно ближе к первой, а не к третьей группе предикатов. Что же касается контекстов с предикатами позиции (*стоять, лежать, сидеть, висеть*) и остальными предикатами местоположения (группа 1), то *здесь* и *тут* в них распределены противоположным образом — для группы 1 характерно употребление *здесь* ($\Delta_E = 0,28$), для группы предикатов позиции характерно употребление *тут* ($\Delta_E = -0,25$; таким образом, мы видим, что — (минус) при экстраполированной дельте показывает, что данный параметр характерен для лексемы во втором столбце (в данном случае — *тут*), а положительная экстраполированная дельта

⁸ Математически экстраполированная дельта равна $\Delta_E = \Delta_N - \Delta_M$, где $\Delta_M = (A_{total} - B_{total}) / (A_{total} + B_{total})$, а A_{total} — общее количество контекстов для единицы *A* (в нашем случае — наречия *здесь*, 3574), B_{total} — общее количество контекстов для единицы *B* (в нашем случае — наречия *тут*, 1458). Отметим, что, в отличие от нормированной дельты, экстраполированная дельта может быть больше единицы.

демонстрирует предпочтительность данного параметра для единицы в первом столбце (в данном случае — *здесь*)).

Дистанция между дельтами равна сумме дельт, взятых по модулю, и обозначает вес данного параметра, т. е. степень контрастности между данными.

Может показаться, что дистанция между $\Delta_E = 0,28$ и $\Delta_E = -0,25$ недостаточно велика (0,53), чтобы на ее основании можно было делать какие бы то ни было осмысленные выводы. Обратим, однако, внимание на то, что предикатных контекстов нами было рассмотрено достаточно много (в общей сложности чуть более 5 тыс.), а при таких объемах незначительные, на первый взгляд, статистические различия уже могут считаться значимыми. Для того чтобы проиллюстрировать, как выглядит совершенно незначимый для различения *здесь* и *тут* параметр, рассмотрим контексты с уточнением, когда сразу за местоименным наречием следует предложная конструкция, разъясняющая, какое именно место имеется в виду при употреблении наречия (*здесь, на пустом катке; тут, в Средней Азии*), и зададимся вопросом, зависит ли от выбора наречия выбор следующего за ним пространственного предлога.

Таблица 3

Предлоги в уточняющих конструкциях

Предлог	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
<i>в</i>	240	39	0,72	0,03
<i>на</i>	178	38	0,65	-0,04
<i>возле, над, около, под, у</i>	27	5	0,69	0
всего	445	82	0,69	0
$\chi^2=1,2$; параметры не связаны, распределения недостоверны				

Во-первых, мы видим, что по критерию χ -квадрат данные параметры не связаны между собой. Но и экстраполированная дельта показывает тот же результат: для всех предлогов значения экстраполированной дельты колеблются вокруг нуля или попросту равны ему, что означает, что тип предлога в уточняющей конструкции и выбор наречия никоим образом не связаны между собой. Впрочем, весьма интересным кажется сам факт существенного (более чем в 2 раза) преобладания уточняющих конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*. Ниже мы вернемся к этому.

Таким образом, в контекстах типа *X находится здесь/тут, X существовал здесь/тут, X расположен здесь/тут* и под. статистически предпочтителен вариант с *здесь*, а в контекстах типа *X сидит/лежит/стоит/висит здесь/тут* статистически предпочтителен вариант с *тут*.

3.2. *Здесь/ тут* и «располагаемые» объекты

Вторым типом контекстов, которые разумно рассмотреть в нашем исследовании, являются контексты, позволяющие проанализировать типы объектов, которые могут иметь место *здесь* или *тут*. Априори кажется бессмысленным предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* могут влиять располагаемые *здесь* или *тут* объекты (при том, что прямой синтаксической связи между *здесь/тут* и наименованием соответствующего объекта нет; это обстоятельство, кстати сказать, может ослаблять искомые статистические закономерности, что естественно ведет к пониженной контрастности у значений дельты).

Для анализа был выбран глагол *быть*, который предъявляет минимальные семантические требования к располагаемым объектам (в отличие, например, от *сидеть, находиться, располагаться, висеться, жить* и прочих). Следовательно,

поскольку заполнение позиции субъекта при глаголе *быть* семантически абсолютно свободно, а предикат (*быть*) в выборке остается одним и тем же, можно выдвинуть предположение, что на выбор между *здесь* и *тут* в контекстах типа *через сутки он будет здесь/тут, вот здесь/тут был магазин* хотя бы частично влияют семантические характеристики субъекта бытования.

Существительные, заполняющие позицию субъекта в конструкциях X + 'быть' + *здесь/тут* и X + *здесь/тут* + 'быть', предлагается разбить на две большие группы.

В первую входят объекты, которые условно можно назвать **стабильными**. Это материальные объекты самой разной природы ('человек', 'предмет', 'территория', 'строение', 'поселение', 'животное' и под.) или нематериальные объекты стабильной структуры ('учреждение', 'организация'):

- (1) *Почему-то мы очутились в Копенгагене. Здесь была маленькая русская колония.* (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980-1990))
- (2) *Я огляделся, как будто был тут в первый раз, и отнял нож от ее горла.* (Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003)
- (3) *Была здесь и своя почта, откуда сушеные травы рассылались по всему миру.* (Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990))
- (4) *Именно поэтому у нас тут есть отделение черной магии!* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)).

Во вторую группу входят бытующие объекты **процессуального, событийного** характера ('ситуация', 'свойство', 'событие', 'процесс' и под.):

- (5) *Самый любопытный случай был здесь с Фимой.* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава четвертая (1942-1944) (1995))
- (6) *Разве есть тут что-нибудь похожее на то, о чём вы говорите?* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 3 (1978))
- (7) *Про мои стихи он сказал: «Здесь есть раскованность и образность, но они по эту сторону грани...»* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998))
- (8) *Но когда одна струна так, другая этак, третья вообще висит, четвертая оторвалась — какая тут будет музыка?* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984-1989))

В эту группу входят в основном абстрактные объекты, но, как представляется, важным для семантики *здесь* и *тут* является не столько их абстрактность и невещественность, сколько тот факт, что за каждым таким абстрактным объектом скрывается на самом деле некоторый процесс, событие, ситуация. Так, за абстрактным существительным *случай* (пример (5)) скрывается некоторое событие, за оборотом *что-нибудь похожее на то, о чём вы говорите* (пример (6)) — совокупность событий или ситуаций, и т.д. Мы не считаем возможным в данной статье обсуждать философские проблемы соотношения языковых абстракций и лежащих за ними денотатов, для нас важен лишь тот факт, что за абстракциями в конечном итоге всегда может быть обнаружена внеязыковая событийная предикация.

Анализ чуть более полутора тысяч контекстов показал следующие распределения (табл. 4):

Таблица 4

Типы бытующих объектов и выбор наречий *здесь/тут*

Тип объекта	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Стабильные объекты	503	466	0,04	0,11
Событийные объекты	191	342	-0,28	-0,21

$\chi^2=35,7$; $p \leq .001$, параметры связаны, распределения достоверны

Как видим, стабильные объекты в качестве субъектов бытования тяготеют к выбору наречия *здесь*, событийные объекты — к наречию *тут* (Δ_E 0,11 vs. -0,21; следует отметить, что предположение о том, что разница между значениями соответствующих дельт здесь будет менее контрастной, чем в случае предикатных контекстов, вполне подтвердилось, — вес фактора |0,32|).

3.3. Попытка интерпретации

3.3.1. Интерпретация статистических данных. Итак, анализ двух типов контекстов употребления местоименных наречий *здесь* и *тут* показал, что

- 1) *тут* в качестве предикатов предпочитает глаголы *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *висеть*
- 2) *здесь* в качестве предикатов предпочитает остальные предикаты местоположения
- 3) если при глаголе *быть* обстоятельственная позиция заполнена наречием *тут*, то в позиции субъекта в этом случае будет, скорее, событийное существительное
- 4) если при глаголе *быть* обстоятельством места является наречие *здесь*, то с большей вероятностью субъектом при глаголе *быть* окажется некий стабильный объект.

Столь далекие друг от друга и разнородные статистические предпочтения в сочетаемости, на первый взгляд, объяснить достаточно трудно. С нашей точки зрения, однако, они связаны между собой и, более того, отчетливо обозначают «мягкие» семантические различия между наречиями *здесь* и *тут*.

Глаголы *сидеть*, *висеть*, *стоять* и *лежать* отличаются от остальных глаголов местоположения (кроме *висеться* и *раскинуться*) тем, что обозначают ориентацию объекта в пространстве, — остальные глаголы лишь нейтрально фиксируют расположение объекта в некоторой точке/на некоторой плоскости (*находиться*, *располагаться*, *быть расположенным*, *жить*, *существовать* и др.) или, помимо нейтральной фиксации местоположения, обозначают цель (*скрываться*, *таиться*) и манеру (*покоиться*, *представать*) местоположения в данной точке, но не его пространственную ориентацию относительно говорящего (наблюдателя). Что касается глаголов *висеться* и *раскинуться*, то они, обозначая вертикальную или горизонтальную ориентацию в пространстве, тем не менее относятся к объектам, несоизмеримым по размерам с говорящим (наблюдателем).

Основываясь на этом, можно сделать следующее предположение: использование говорящим глаголов *сидеть*, *висеть*, *лежать* и *стоять* свидетельствует о том, что, во-первых, говорящий находится достаточно близко от описываемого места расположения объекта, чтобы оценить и правильно описать его пространственную ориентацию относительно самого себя. Во-вторых, объекты, описанные говорящим с помощью этих глаголов, соизмеримы с говорящим по размерам. Иными словами, в случае, если говорящий описывает местоположение некоторого объекта с помощью пространственно ориентированных предикатов позиции, можно утверждать, что говорящий помещает себя внутрь описываемой конфигурации объектов, а не наблюдает ее со стороны.

Из сказанного можно заключить, что «пристрастие» местоименного наречия *тут* к пространственно ориентированным предикатам, описывающим местоположение объектов, соизмеримых по размерам с говорящим, объясняется тем, что в случае использования *тут* говорящий находится **внутри** описываемой ситуации; тяготение же местоименного наречия *здесь* к точечным (или, если угодно, плоскостным) предикатам местоположения и к предикатам, описы-

вающим местоположение объектов, существенно больших, чем говорящий, можно трактовать как результат **внешнего** положения говорящего относительно описываемой ситуации.

Таким образом, русское местоименное наречие *тут* несколько выбивается из стандартных обозначений близости/дальности некоторого объекта относительно говорящего. Обычно различают двухчастную систему указания (англ. *this—that, here—there* и т.д., русск. *этом—том, тут/здесь—там, теперь/сейчас—тогда, вот—вон* и под.) и трехчастную (например, исп. *este—ese—aquel, esto—eso—aquello*) в соответствии с разделением на близкое—дальнее или близкое—среднее—дальнее (или близкое—дальнее—очень дальнее). Но если наша интерпретация статистических данных близка к истине, то русск. *тут* принципиально выбивается из этой системы, обозначая не просто близость говорящего к некоторому объекту, а преодоление говорящим границ этого объекта, что приводит к размещению говорящего внутри этого объекта. Таким образом, русский язык предоставляет говорящему возможность обозначить с помощью местоименных наречий две стадии близости. Первая стадия заключается в нахождении **близко** к обозначаемому объекту, но **вне** его (наречие *здесь*), вторая стадия — нахождение **внутри** обозначаемого объекта (наречие *тут*); в последнем случае следует, по-видимому, говорить уже не о близости объекта указания, а о **слиянии** говорящего с ним. Таким образом, мы высказываем предположение, что при использовании наречия *здесь* говорящий обозначает лишь место, где расположен данный объект или происходит данное событие; при использовании же наречия *тут* говорящий обозначает событие, которое протекает в данном месте, и при этом сам позиционирует себя как составную часть этого события.

Такая трактовка различий в референциальном значении *здесь* и *тут* естественным образом объясняет разницу в выборе субъектов бытования, описанную нами в разделе 3.2. Действительно, поскольку наречие *здесь* предполагает внешнюю позицию говорящего по отношению к описываемому объекту и апелляцию лишь к местоположению последнего, а не к его содержательным характеристикам, для *здесь* естественным оказывается предпочтение стабильных субъектов бытования: и стабильные, и событийные субъекты расположены вне личной сферы говорящего, находятся, с точки зрения говорящего, в своего рода капсуле, и для говорящего более важными являются точка/плоскость местонахождения этой капсулы, чем ее «внутреннее устройство». Напротив, наречие *тут* предполагает расположение говорящего внутри обозначаемого субъекта бытования, что в значительной степени обрекает его на трактовку этого субъекта как события или процесса, а не как стабильного объекта жесткой структуры.

3.3.2. Уточняющие конструкции. Представляется, что именно этим расположением говорящего вне обозначаемого объекта при использовании наречия *здесь* объясняется упомянутое выше (раздел 3.1) более чем двукратное преобладание уточняющих предложных конструкций при наречии *здесь* по сравнению с наречием *тут*: говорящий, находясь вне обозначаемого с помощью наречия *здесь* местоположения объекта, вынужден описывать его с объективной точки зрения, указывая его расположение в пространстве не только по отношению к себе, но и в объективных, безотносительных пространственных координатах. Напротив, наречие *тут*, фиксирующее расположение говорящего внутри события, протекающего в том месте, в котором находится и сам говорящий, не требует от последнего объективной «привязки» события к местности — достаточным оказывается указание на то, что данное событие и говорящий привязаны к одной и той же точке в пространстве.

3.3.3. Сентенции. Как еще одно свидетельство близости говорящего и объекта указания (при наличии дистанции между ними) для наречия *здесь* и ситуационной внутрисложенности говорящего для наречия *тут* может расцениваться тот факт, что сентенции, т.е. высказывания, констатирующие некоторое вневременное, объективное положение вещей, тяготеют к использованию наречия *здесь*, а не наречия *тут*. Одним из маркеров сентенций является наречие *всегда*, которое автоматически придает высказыванию характер гномы:

- (9) *Кулиса была его; он всегда здесь стоял.* (Анатолий Кузнецов. Артист миманса (1968))
- (10) *Посетителю здесь всегда помогут советом!* (О. Милюков, В. Гильзин. Самая большая выставка... // «Химия и жизнь», 1965)
- (11) *И всегда тут присутствовал тот последний, решительный, героический бой, когда от тебя осталась половина или того меньше.* (Юрий Нагибин. Бунташный остров (1994))
- (12) *У нас тут всегда молниеносно разносились новости.* (В. Ф. Панова. Сестры (1965))

Количественные данные можно увидеть в табл. 5.

Таблица 5

Сентенции и выбор наречий <i>здесь/тут</i>				
Контексты	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Сентенциальные контексты	194	49	0,60	0,54
Все контексты	77315	69559	0,05	0,00
$\chi^2=72; p<.001$, параметры связаны, распределения достоверны				

При примерно одинаковом количестве наречий *здесь* (77315) и *тут* (69559) в пространственном значении в обследованном подкорпусе (см. сноску 3) высказывания с сочетанием *здесь+всегда* (194) встречаются почти в четыре раза чаще, чем фразы с сочетанием *тут+всегда* (49). Очевидно, что описание некоторого события с вневременной точки зрения, описание *sub specie aeternitatis*, предполагает внешнее положение говорящего по отношению к описываемому событию, а не нахождение говорящего внутри описываемой ситуации или события, что естественным образом повышает частотность наречия *здесь* в такого рода высказываниях⁹.

3.3.4. Чужая речь. Еще одним контрольным контекстом, в котором могут проявиться статистические различия между *здесь* и *тут*, является контекст передачи чужой речи (под чужой речью понимается речь адресата или третьего лица, а также речь говорящего в прошлом или в будущем):

- (13) *Я же говорил, что здесь медведей не бывает* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005))
- (14) *Софья Александровна сказала, что тут сидит профессор Вишнеvский* (Лев Разгон. Непридуманное/Иван Михайлович Москвин (1988)).

⁹ На то, что частица *тут* не используется в общих суждениях типа **Земля тут вокруг солнца вращается*, было указано М.Л. Рубинштейн в [Рубинштейн 2004: 527]. Нам, однако, кажется, что в приведенном примере неправильность фразы связана с тем, что *тут* стоит в вакернагелевской позиции, после первой тактовой группы, а следовательно, тяготеет к безударному произнесению и к функции частицы. Если мы переместим *тут* в начальное положение, то фраза останется неправильной с точки зрения космогонии, но обретет вполне естественное лингвистическое звучание: *Тут Земля вокруг солнца вращается*.

В случае передачи чужой речи говорящий аттестует место, где происходит описываемое событие, с точки зрения цитируемого лица, а не со своей, поэтому следует, скорее, ожидать, что чужая речь будет тяготеть к наречию *здесь*, а не к наречию *тут*. Данные приведены в табл. 6.

Таблица 6

Чужая речь и выбор наречий *здесь/тут*

Наличие цитирования	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
Чужая речь	154	52	0,50	0,44
Все контексты	77315	69559	0,05	0,00
$\chi^2=39,2$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Мы видим, что, действительно, в ситуации передачи чужой речи, говорящий почти в три раза чаще употребляет наречие *здесь*¹⁰. Более того, нам кажется, что в тех случаях, когда говорящий использует при передаче чужой речи наречие *тут*, он, скорее, не отсылает к местоположению из своего речевого центра, а буквально повторяет речь цитируемого лица, а следовательно, *тут* принадлежит не автору высказывания, а автору цитаты. Во всяком случае, в 154-х случаях включения *здесь* в чужую речь кавычки для обозначения ее границ не были использованы ни разу, а в 52-х случаях включения *тут* — два раза, и оба раза *тут* оказывалось внутри кавычек:

(15) ...сообщил, что «*тут сейчас в Радужном твой приятель Сергей...*» (Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.23)

(16) ...при похвале он говорит, что «*тут нет ничего особенного*» (Б. В. Зейгарник. Патопсихология (1986))

3.3.5. Полнозначность *здесь*. Гораздо более частотное употребление наречия *тут* во временном значении:

(17) *И тут произошло почти чудо — у Ди Стефано сработал актёрский инстинкт: он, услышав свою мелодию, вступил, может, сам того не желая.* (И. А. Архипова. Музыка жизни (1996))

по сравнению с наречием *здесь*:

(18) *И вот здесь произошло, пожалуй, еще одно непоправимое событие в судьбе ленты.* (Эльдар Рязанов. Неподведенные итоги (2000)),

объясняется, очевидно, изложенными выше причинами: наречие *тут* отсылает к некоторой точке в событии, внутрь которого помещен говорящий, а поскольку событие развивается во времени, то наречие *тут* легко и естественно обретает временное значение. Напротив, для того чтобы временное значение появилось у наречия *здесь*, отсылающего к некоторой точке в пространстве, а не к происходящему в этой точке событию, необходимо сочетание специально подобранных лингвистических факторов (специфических предикатов, частиц и других элементов контекстной поддержки).

Существенно более сложным является вопрос о том, почему *тут* может выполнять в высказывании функции частицы, а *здесь* всегда сохраняет наречное значение. Приведем некоторые факты.

Прежде всего отметим, что нам не удалось заметить никаких статистически значимых интонационных различий между *здесь* и *тут*. В работе [Янко 2008] оба

¹⁰ Данный тип контекстов нам предложил проанализировать А.Я. Шайкевич, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

наречия отнесены к атоническим словам, т.е. к тем единицам, которые стандартно попадают в атоническую зону фразы и не несут на себе семантически значимых изменений тона, размещаясь в атонической зоне между акцентоносителями темы и ремы. Но в тех случаях, когда *здесь* и *тут* вынужденным образом становятся акцентоносителями (например, в изолированном или контрастном употреблении), распределение интонационных движений на обоих наречиях оказывается примерно одним и тем же (мы не будем здесь приводить соответствующие данные, поскольку это непосредственно не относится к нашему исследованию).

Однако если мы будем анализировать не движение тона на наречиях *здесь* и *тут*, а интенсивность их произнесения¹¹, т.е. степень их ударности, то мы заметим существенное различие между этими наречиями. Будем характеризовать относительную интенсивность произнесения наречия следующим образом:

- 1) если наречие помещено между паузами (изолированная позиция), то уровень интенсивности считается *высоким*;
- 2) если интенсивность произнесения наречия выше, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 1), то уровень интенсивности также считается *высоким*;
- 3) если интенсивность произнесения наречия ниже, чем интенсивность произнесения слога справа от него (рис. 2), то уровень интенсивности считается *низким*;
- 4) в случае, если за наречием следует пауза, сравнение производится со слогом слева.

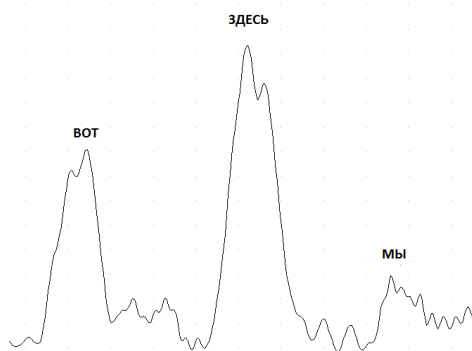

Рис. 1

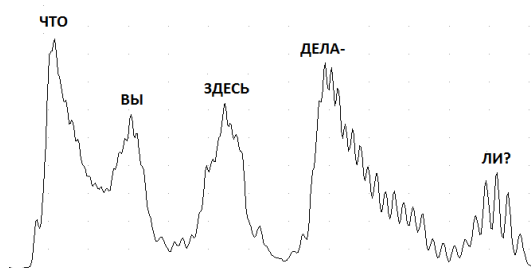

Рис. 2

Анализ материала показал, что наречия *здесь* и *тут* характеризуются разным уровнем интенсивности произнесения (см. табл.7).

¹¹ Для анализа была использована программа Speech Analyzer © SIL International, Даллас, Техас, США.

Интенсивность произнесения *здесь* и *тут*

Интенсивность	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
высокая	65	26	0,43	0,37
низкая	32	61	-0,31	-0,37
$\chi^2=25,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, значения параметра интенсивности для *здесь* и *тут* строго противоположны: для *здесь* характерная высокая интенсивность произнесения, для *тут* — низкая. Этот факт можно трактовать как доказательство того, что *здесь* в устной речи в меньшей степени и реже подвергается редукции и клитизации, чем *тут*, и, следовательно, функционирует не только как атоническое слово, но и как полнозначное и полноударное слово (если сравнивать его с остальными местоимениями и местоименными наречиями).

Далее. Предикатные конструкции с этими наречиями устроены по-разному. В двухчастных субъектно-предикатных конструкциях для *здесь* характерна вторая позиция:

- (19а) *туалет для мальчиков здесь; я здесь (дважды); я уже здесь; да он здесь!; она уже здесь; она здесь (дважды); а вы здесь; вот и ты здесь; все здесь; да я лучше здесь; канализация-то здесь!; Колесова здесь; мы — здесь; начальник полиции здесь; он здесь!; она где-то здесь* (18 примеров)

vs.

- (19б) *здесь генерал; тут у меня крупа, тут пшено, а здесь горох; а здесь Петербург!* (3 примера, причем один построен на основе параллелизма с предшествующими конструкциями с *тут*).

Для *тут* характерна начальная позиция:

- (20а) *тут пятьдесят штук про запас; тут следы!; тут у меня крупа, тут пшено...; а тут все-таки яркий свет; вот тут накладная; вот тут шик и блеск; а тут гости; а тут первое метро; тут тебе и сервант, тут тебе и красивая кушетка; тут Хлудов; тут помост* (11 примеров)

vs.

- (20б) *он тут рядышком; так мы лучше тут!* (2 примера).

В табл. 8 приведены данные по основному корпусу НКРЯ (не мультимедийному; запрашивались только двусловные фразы типа *Картина здесь, Тут пропасть* и под.).

Начальное и конечное положение во фразе для *здесь* и *тут*

Положение	<i>Здесь</i>	<i>Тут</i>	Δ_N	Δ_E
начальное	153	112	0,15	-0,24
конечное	288	81	0,56	0,17
$\chi^2=30,1$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, *здесь* предпочтительно включается в стандартные двухчастные субъектно-предикатные конструкции в качестве предиката (ремы). *Тут* в сочетании с субъектом функционирует скорее как клитика и, соответственно, тяготеет к использованию в коммуникативно нерасчлененных предложениях, где существительное обозначает и тему, и рему, а *тут* (или изредка *здесь*, см.

примеры (19б)) функционирует как обычное обстоятельство и не имеет предикатного значения.

Таким образом, мы видим, что для *здесь* характерна ударность и предикативность, а для *тут* — безударность и функционирование в качестве частицы или обстоятельства. Объясняется это, с нашей точки зрения, следующим. В первом приближении толкование наречия *здесь* таково: ‘то близкое к говорящему место, на которое он указывает’. Согласно этому толкованию, *здесь* является наречием места, соответственно, может быть ударным, как полнозначное наречие, может, в качестве наречия, функционировать как предикатив. Наречие *тут* можно в первом приближении истолковать как ‘обстоятельства, характеризующие момент речи’, при этом ‘обстоятельства’ включают в себя, во-первых, место, во-вторых, время, а в-третьих, событие, на фоне которых имеет место речевой акт. Таким образом, *тут* не имеет точной и единственной характеристики (‘место’), а осциллирует между тремя аспектами обстоятельств речи в зависимости от контекста, при этом в разных контекстах в фокусе оказывается тот или иной аспект ‘обстоятельств’ — ‘место’, ‘время’ или ‘событие’. Именно поэтому замена *тут* на *здесь* способствует сужению значения фразы. Так, если мы сравним два предложения:

(21) *Наина Киевна, вам тут телефонограмму передали* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964))

(21a) *Наина Киевна, вам здесь телефонограмму передали,*

то мы можем заметить, что фраза (21) имеет синкретичное значение — говорящий присутствовал в момент, когда передавали телефонограмму и, скорее всего, участвовал в ее приеме, кроме того, он знает, где в данный момент находится телефонограмма, и готов ее передать адресату. Фраза (21a) имеет в виду только то, что телефонограмма находится недалеко от говорящего, он знает, где она находится, и готов сообщить об этом адресату.

3.3.6. Множественность *здесь* и уникальность *тут*. Данные корпуса показывают, что *тут*, по сравнению с *здесь*, существенно реже сочетается с отрицанием *не*:

(22) *Да не тут, Кирилл, не тут!* (Владимир Спектр. Face Control (2002))

(23) *Пожалуйста, не здесь, — сказал ей строго офицер* (Андрей Дмитриев. Дорога обратно // «Знамя», 2001)

Количественные данные таковы (см. табл. 9)¹².

¹² Из подсчета были выведены вопросы с предвосхищенным отрицанием (см. [Гришина 2011б]), в которых отрицание относится не к *здесь* (на *тут* примеров не встретилось), а к вопросу в целом, будучи предвосхищением отрицательного ответа слушающего на заданный вопрос:

(24) *А это не здесь про поцелуй и лето?* (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970))

Кроме того, не рассматривались примеры, включающие в себя устойчивое сочетание *здесь и сейчас*.

Не здесь и не тут

Интенсивность	Здесь	Тут	Δ_N	Δ_E
отрицание	251	31	0,78	0,73
всего	77315	69559	0,05	0,00
$\chi^2=149,3$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, отрицание отчетливо предпочитает сочетание с *здесь*, а не с *тут* (дельта 0,73).

Объяснить это, с нашей точки зрения, можно следующим образом. *Здесь*, как мы уже писали выше, обозначает некоторое близкое к говорящему место, на которое говорящий указывает и которое при этом находится за пределами личной сферы говорящего. Из этого следует, по-видимому, что в каждый данный момент речи имеется бесконечное количество потенциальных *здесь* для данного говорящего, поскольку имеется бесконечный ряд точек в пространстве, лежащих за пределами личной «точки» говорящего и могущих быть охарактеризованными как близкие ему. Напротив, в каждый данный момент речи имеется только одна точка в пространстве, времени и событийном континууме, которая соотносится с говорящим и может быть аттестована с помощью наречия *тут*. Следовательно, если мы применяем операцию отрицания к наречию *здесь*, то мы получаем стандартное противопоставление *здесь и не здесь*, которое предполагает выбор из бесконечного ряда явлений одного класса (точно так же, как при выборе *не красный, а {название цвета}* мы получаем противопоставление *красного* и всех остальных цветовых обозначений). Если же мы применяем операцию отрицания к уникальному наречию *тут*, то мы не можем предложить никакого ряда, из которого можно выбрать альтернативное ему местоположение, положение во времени и в череде событий; тем самым при отрицании *тут* мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной отрицанию цвета с помощью прилагательных совсем других семантических классов (*не красный, а высокий*). Таким образом, именно референциальная уникальность *тут* затрудняет его сочетание с отрицанием.

Если, однако, *не* все-таки сочетается с *тут*, то на первый план выходит локальный компонент значения *тут* как базовый (см. пример (22)). Однако встречаются контексты, где это не так. Например, в цитате (25)

(25) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не тут, и низкий потолок, и грязь, и духота.* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955))

мы сталкиваемся с ситуацией, когда замена *тут* на *здесь* радикально меняет смысл фразы:

(25a) *Когда сюда въезжали, все было не по мне — и печь не здесь, и низкий потолок, и грязь, и духота.*

Если в (25) *не тут* означает ‘не в том месте, где создались бы обстоятельства, комфортные для говорящего’, то (25a) имеет в виду, что печь переставили на новое место (удобное говорящему), поскольку старое место говорящему не подходило.

4. Здесь, тут и указательные жесты

4.1. Типы указательных жестов

Типы указательных жестов хорошо известны, однако лишь в последнее десятилетие, в связи с появлением технических и программных средств фиксации жестов, а также в связи с бурным развитием мультимедийных корпусов, в отношении функционирования указательных жестов в речи стали ставиться вопросы, которые еще двадцать лет назад казались либо несущественными, либо в принципе нерешаемыми. В частности, в прорывной и уже успевшей стать классической работе [Kendon, Versante 2003] авторами были рассмотрены указательные жесты, характерные для носителей неаполитанского диалекта итальянского языка, и их соотношение с сопровождающей указания речью. Были вычленены и определены как лингвистически значимые два основных типа указания рукой: открытая ладонь (ОЛ) (open hand) и указание пальцем (index), сформулированы основные лингвистические закономерности в выборе этих жестов. Кроме того, в зависимости от ориентации ладони для первого типа указательных жестов было выделено три разновидности: 'ладонь вверх' (palm up), 'вертикальная ладонь' (palm vertical) и 'косая ладонь' (open hand obliqua), для второго — также две разновидности: 'указательный палец (УП) + вертикальная ладонь' (index palm vertical), 'УП + ладонь вниз' (index palm down). Отдельно было рассмотрено указание большим пальцем (thumb). Было показано, что выбор между этими шестью вариантами не случаен и связан с содержанием сопровождающей указательный жест речи, прежде всего с ее референциальными характеристиками.

Анализ данных Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), включающего в себя клипы из кинофильмов, выровненные с соответствующими текстовыми расшифровками, показал, что вычлененные А. Кендоном типы указаний рукой вполне актуальны и для носителей русского языка. Однако наш материал добавил к разновидностям указаний, определенных А. Кендоном, еще несколько:

1) помимо указания косой ладонью (т.е. открытой ладонью, расположенной не строго вертикально, а под углом, в большей или меньшей степени близким к 135° , так что ладонь как бы полуповёрнута вверх, см. рис. 3), достаточно часто встречается 'комбинированная ладонь' (или 'ладонь углом'): та зона ладони, которая примыкает к большому, указательному и среднему пальцу, развернута вертикально, а зона ладони, примыкающая к безымянному пальцу и мизинцу, развернута вверх (см. рис. 4);

Рис. 3

Рис. 4

2) указание может осуществляться открытой ладонью, повернутой вниз ('ладонь вниз'), см. рис. 5;

Рис. 5

3) при указании большим пальцем последний может быть направлен не только назад (за плечо), вверх и в стороны [Kendon, Versante 2003: 121], но и вперед и вниз;

4) при указании пальцем ладонь может быть не только повернута вниз или расположена вертикально, но и, как это ни парадоксально, может быть повернута вверх (см. рис. 6).

Рис. 6

Разновидности указательных жестов, названные в пунктах 2—4, встречаются относительно редко, в отличие от указания комбинированной ладонью, которое оказалось достаточно типичным для носителей русского языка.

Таким образом, согласно данным А. Кендона, в неаполитанском диалекте существует 5 вариантов указательных жестов ладонью и указательным пальцем ('ладонь вверх', 'вертикальная ладонь', 'косая ладонь', 'УП+ладонь вниз', 'УП+вертикальная ладонь'). Система, как видим, несимметричная, что позволяет автору рассматривать эти пять жестов как самостоятельные и не сводимые друг к другу единицы. Наш материал показал несколько иную систему соотношений. Так, жест ОЛ, как показывает МУРКО, может осуществляться в пяти вариантах (к трем, выделенным А. Кендоном, добавляются указания 'ладонь вниз' и 'комбинированная ладонь'). Что касается указаний УП, то к двум вариантам у А. Кендона на нашем материале добавляется еще 'УП+ладонь вверх'. Кроме того, дополнительное исследование показало, что, во-первых, конфигурации 'косая ладонь' и 'комбинированная ладонь' находятся в дополнительном распределении, т.е. на самом деле представляют собой одну и ту же жестикуляционную единицу, разновидности которой выбираются под влиянием внешних обстоятельств (в частности, под влиянием степени напряженности руки); во-вторых, выяснилось, что все ориентации ладони, которые содержат в себе элемент 'ладонь вверх' (собственно 'ладонь вверх', 'косая ладонь', 'комбинированная ладонь'), следует рассматривать как разновидности одного и того же жеста — 'ОЛ+ладонь вверх'.

После этих уточнений мы можем констатировать, что система русских ручных указательных жестов, по нашим данным, устроена следующим образом (табл. 10).

Таблица 10

Система русских указательных жестов

Орган	Указательный палец	Открытая ладонь	Большой палец
Ориентация ладони			
вниз	+	+	ориентация ладони не имеет значения ввиду своей вынужденности
вверх	+	+	
вертикально	+	+	

Система русских указательных жестов и те лингвистические параметры, которые, с нашей точки зрения, влияют на выбор той или иной комбинации органа указания и ориентации ладони, мы рассмотрели в другой работе (см. [Гришина 2012]). В настоящей статье мы не предполагаем подробно рассматривать перечисленные выше типы указательных жестов, их семантику, прагматику, референциальный статус и соотношение с сопровождающей речью. Мы хотели бы воспользоваться уникальной возможностью, предоставляемой русским языком, в котором активно употребляются два чрезвычайно близких по значению указательных слова, *здесь* и *тут*, различающихся лишь прагматическим положением говорящего относительно объекта указания ('близко, но снаружи' vs. 'внутри') и типом объекта указания с временной точки зрения ('стабильный' и 'событийный'), и проанализировать, есть ли какие-то закономерности в выборе указательного жеста, сопровождающего эти местоименные наречия, пытаясь объяснить те или иные предпочтения, если они будут обнаружены.

4.2. Структура указательного жеста

В данной работе мы ограничимся анализом указательных жестов типа 'открытая ладонь' (ОЛ) и типа 'указательный палец' (УП), т.е. вопрос будет стоять следующим образом: есть ли закономерности в выборе типа указания открытой ладонью vs. указательным пальцем при использовании местоименных наречий *здесь* и *тут*. Такое «укрупнение» анализа, оставляющее без учета ориентацию ладони, объясняется тем, что, по нашим данным, выбор ориентации ладони вторичен по отношению к выбору органа указания и определяется факторами, которые трудно выявить и доказательно описать на материале только двух местоименных наречий.

Что же касается противопоставления ОЛ и УП, то, по нашему мнению, его вполне можно попытаться обосновать на уже доступном нам, благодаря предыдущему изложению, материале.

Указание УП и указание ОЛ различаются по двум параметрам, важным в контексте противопоставления наречий *здесь* и *тут*.

Во-первых, указание УП, в отличие от указания ОЛ, является **поляризованным**. Это значит, что кончик указательного пальца в ходе указания УП символизирует собой некоторую точку в пространстве, полюс, который и является, собственно, объектом указания (см. об этом [Крейдлин 2007]). Наличие такого полюса, *конечного* предела в указательном жесте, автоматически актуализирует *начальную* точку указательного жеста, т.е. место нахождения говорящего (= указующего). Таким образом, при УП указательный жест подчеркивает существование двух крайних точек — точки объекта указания и точки субъекта указания. Как следствие, поляризованное указание, актуализируя две крайние точки некоторой прямой, т.е. обозначая крайние точки вектора указания, актуализирует автоматически и *расстояние* между ними. Следовательно, поляризованный указательный жест содержит идею расстояния между субъектом и объектом указания. Указание ОЛ, не включая физически в свой состав никакой крайней точки (при открытой ладони кончики всех пальцев равноправны, соответственно, нельзя говорить о том, что в пространстве вычленяется какая-то одна, самая важная точка), не включает в себя и идею расстояния между объектом и субъектом указания и вообще идею какого бы то ни было расстояния. Указание ОЛ сводится к сему 'направление', в то время как структура указания УП сложнее — последнее включает в себя не только сему 'направление', но и сему 'расстояние', или 'дистанция'.

Во-вторых, указание УП, в отличие от указания ОЛ, *локализовано*, указание же ОЛ диффузно распределено в пространстве. Это связано с тем, что при указании ОЛ все пальцы указывающей руки равноправны, т.е. в равной степени участвуют в жесте указания; в указании же УП отмечен, специально выделен кончик одного пальца. Как следствие, указание УП отмечает одну конкретную точку в пространстве, а указание ОЛ распределяет объект указания в трех измерениях, трактуя его не как точку, а как пространство, как объем.

4.3. Наречия и жесты

Если мы вернемся к местоименным наречиям *здесь* и *тут*, описанным нами в разделе 3, то мы заметим, что различия в структуре указаний УП и ОЛ изоморфны различиям в значении наречий (см. табл. 11).

Таблица 11

Изоморфизм жестов и наречий

Наречия <i>здесь</i> и <i>тут</i>	Указания пальцем и открытой ладонью
Наречие <i>здесь</i> предполагает некоторую прагматическую дистанцию между субъектом и объектом указания	Указание пальцем предполагает некоторую дистанцию, расстояние между субъектом и объектом указания
Наречие <i>тут</i> относится к ситуации, когда субъект указания находится внутри объекта указания	Указание открытой ладонью не поляризовано и не устанавливает никакой дистанции между субъектом и объектом указания
Наречие <i>здесь</i> описывает объект с объективной, внешней точки зрения, расценивая объект указания как непрозрачную капсулу, точку в пространстве, в событийном аспекте представляющую из себя черный ящик	Указание пальцем отмечает одну отдельную точку в пространстве
Наречие <i>тут</i> описывает объект указания как разворачивающееся в четырех измерениях (включая временное) событие, протекающее в указанном месте	Указание открытой ладонью диффузно распределено в пространстве, в связи с чем может быть использовано для указания на трехмерные объекты и событийные объекты

Такой изоморфизм значений слов и структуры жестов дает нам основание предполагать, что выбор указательного жеста при использовании одного из пары синонимичных наречий может оказаться не случайным.

Для проверки этой гипотезы отберем из МУРКО клипы, в которых наречия *здесь* и *тут* сопровождаются указательными жестами типа УП и типа ОЛ, и проведем их количественный анализ. Прежде чем привести данные, проиллюстрируем типичные примеры использования пары наречие *здесь/тут* + указание УП/ОЛ.

- (26) *Светка, поздно, я уже здесь* <показывает на комнату, ОЛ 'ладонь вверх'> (А. Корнев, Г. Садовников. Большая перемена, к/ф, 1973)
- (27) *Егор, здесь* <показывает на могилу, УП+ладонь вниз> *положено лежать нам с тобой* (И. Щеголев, Л. Корсунский. Американский дедушка, к/ф, 1994)
- (28) *Тут курить-то* <показывает на помещение ресторана, в котором находится, ОЛ 'ладонь комбинированная'> *хоть можно?* (А. Смирнов, В. Трунин. Белорусский вокзал, к/ф, 1971)
- (29) *Вот тут* <показывает на дом, УП+вертикальная ладонь> *они и проживали со Светкой* (О. Бондарев, Э. Смирнов. Мачеха, к/ф, 1973)

Соответствующие данные в корпусе распределились следующим образом (см. табл. 12).

Таблица 12

Соотношение между наречиями *здесь/тут* и сопровождающими жестами

Наречие	ОЛ	УП	Δ_N	Δ_E
<i>здесь</i>	71	75	-0,03	-0,13
<i>тут</i>	55	28	0,33	0,22
$\chi^2=6,65$; $p \leq 0,05$, параметры связаны, распределения достоверны				

Как видим, экстраполированная дельта имеет для исследуемых наречий заметно различные значения: для *тут*, в полном соответствии с семантикой наречия, в гораздо большей степени, чем для *здесь*, характерно указание открытой ладонью, а для *здесь*, по сравнению с *тут*, в большей степени характерно указание пальцем¹³; если же говорить о наречии *здесь* вне сравнения с наречием *тут*, то можно утверждать, что выбор сопровождающего наречия указательного жеста (УП или ОЛ) равновероятен ($\Delta_N = -0,03$) и определяется, видимо, не семантикой наречия, а некоторыми дополнительными факторами (референциальными или прагматическими).

В цитированной выше работе [Kendon, Versante 2003: 115] авторы показали, что для жестов УП характерно выделение объекта указания из пространственного континуума в соответствии с коммуникативной структурой высказывания (пальцем говорящий указывает на объект, который является топиком высказывания или вообще является в любом отношении важным, выделенным в данном высказывании). Попробуем с этой точки зрения проанализировать примеры жестового сопровождения наречий *здесь* и *тут*. Для этого будем различать **контрастные** употребления наречий (изолированные; выделенные эмфазой или фразовым ударением; включенные в конструкции противопоставления *а здесь/тут, а вот здесь/тут*; сопровождаемые усилительным *вот* — *вот здесь/тут, вот здесь/тут вот*) и **нейтральные** употребления наречий (все остальные). Применяя это разделение, мы получаем следующую картину (табл. 13).

Таблица 13

Соотношение между контрастными/нейтральными наречиями *здесь/тут* и жестами

Употребление	Контрастное употребление			Нейтральное употребление		
	ОЛ	УП	Δ_E	ОЛ	УП	Δ_E
<i>здесь</i>	33	41	-0,05	38	34	-0,20
<i>тут</i>	20	19	0,09	35	9	0,33
$\chi^2=0,6$; параметры не связаны, распределения недостоверны				$\chi^2=8,4$; $p \leq 0,005$, параметры связаны, распределения достоверны		

Из табл. 13 явствует, что в контрастных и нейтральных контекстах жестикуляционное сопровождение наречий *здесь* и *тут* различается: в контрастных контекстах выбор указательного жеста не зависит от выбора наречия¹⁴, а в нейтральных употреблениях — зависит, и при этом в нейтральном

¹³ Конечно, количество примеров достаточно небольшое, несопоставимое с количеством примеров на разные употребления *здесь/тут* в основном, не мультимедийном корпусе, но для определения тренда, основной тенденции в распределении жестов по соответствующим наречиям данных вполне достаточно: поскольку критерий χ -квадрат показывает достоверность связи между исследуемыми параметрами, мы беремся утверждать, что при радикальном увеличении количества контекстов, безусловно, изменятся конкретные значения дельт, но дистанция между ними сохранится.

¹⁴ Независимость типа указательного жеста от выбора наречия в контрастных контекстах означает, что выбор указательного жеста осуществляется под влиянием факторов, не имеющих отношения к семантическим различиям *здесь* и *тут*. Такими факторами могут быть, например, референциальные (трактовка объекта указания как мелкого/крупного, определенного/неопре-

употреблении *здесь* тяготеет к указанию пальцем, а *тут* — к указанию ладонью. Такое несимметричное распределение требует комментариев.

Как мы уже упоминали, русский язык относится к языкам, в которых различаются две степени близости объекта к говорящему — близкая (*вот, это, этот, здесь/тут*) и дальняя (*вон, тот, там*). Однако в наречной зоне, в связи с одновременным функционированием наречий *здесь* и *тут*, эта двухчастная схема трансформируется в трехчастную. Возьмем конструкцию *у + личное местоимение 1-3 л. + наречие здесь/тут/там*, которая фиксирует расположение некоторого объекта относительно говорящего¹⁵, и посмотрим, зависит ли выбор наречия от выбора местоимения¹⁶ (табл. 14).

Таблица 14

Зависимость между выбором наречия *здесь/тут/там* и выбором местоимения

Наречие	<i>здесь + тут</i>	<i>там</i>	Δ_N	Δ_E
<i>у меня/нас</i>	889	494	0,29	0,24
<i>у тебя/вас</i>	450	463	—0,01	—0,06
<i>у него/нее/них</i>	146	401	—0,47	—0,51
$\chi^2=226,7$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				
Наречие	<i>здесь</i>	<i>тут</i>	Δ_N	Δ_E
<i>у меня/нас</i>	263	626	—0,41	—0,07
<i>у тебя/вас</i>	129	321	—0,43	—0,09
<i>у него/нее/них</i>	99	47	0,36	0,69
$\chi^2=88,4$; $p \leq 0,001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Несколько примеров:

- (30) *У меня тут дела в Москве* (В. А. Каверин. Открытая книга (1949-1956))
- (31) *У меня там внеклассные занятия* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002, № 9)
- (32) *А у тебя здесь даже окна нет* (Вячеслав Дурненков. Мир молится за меня (2005) // Майские чтения, 2002, № 7)
- (33) *Что, змей у вас там, говорят, появился?* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964))
- (34) *У них тут пишик, пусто* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960))
- (35) *Послушай, может у них там гнездо?* (М. В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии», 2003, № 6)

Данные табл. 14 надежно свидетельствуют, что в противопоставлении близкого и дальнего объекта *здесь* и *тут* функционируют как единый ближний дейксис, противопоставленный дальнему дейксису *там*: для пары *здесь/тут* в анализируемой конструкции характерно отчетливое предпочтение местоимений первого лица (дельта 0,24), а для наречия *там* предпочтительным является третье лицо (дельта —0,51), т.е. лицо, находящееся на максимальной прагматической дистанции от говорящего (данные по второму лицу более или менее поровну распределились между близким и далеким расстоянием (дельта —0,06), поскольку слушающий в ряде контекстов воспринимается как находящийся в

деленного объекта), прагматические факторы (иллокутивная сила высказывания, включающего наречие, например императив в противопоставлении вопросу и утверждению), социологический фактор (общественное порицание указания пальцем). Перечень параметров, влияющих на структуру указательного жеста, мы попытались дать в работе [Гришина 2012].

¹⁵ Идея рассмотреть эту конструкцию в данном аспекте принадлежит А.Я. Шайкевичу.

¹⁶ В качестве местоимения третьего лица брались не только сами местоимения *он, она, они*, но и существительные, функционирование которых в данной конструкции не отличается от функционирования местоимений.

личной сфере говорящего, но в сопоставимом количестве контекстов — и как лицо, внешнее по отношению к личной сфере говорящего).

Если же мы будем анализировать распределения *здесь* и *тут* безотносительно наречия *там*, то мы увидим, что по отношению к первому и второму лицам наречия распределяются практически равномерно, что же касается третьего лица, то оно явно требует наречия *здесь*, а не наречия *тут* (дельта 0,69).

Таким образом, в сфере местоименных наречий в русском языке мы имеем дело с нарушением стандартной двухчастности и с формированием тройной степени дальности:

$$\{тут \leftrightarrow здесь\} \leftrightarrow там,$$

т.е. *здесь* и *тут* как единая лексема, обозначающая близость к говорящему, противопоставляются *там*, обозначающему дальность, а внутри пары *тут*—*здесь* *тут* обозначает максимальную близость к говорящему, а именно ту точку в событийном континууме, которую говорящий занимает в момент речи, а *здесь* обозначает точку, близкую к личной сфере говорящего, но тем не менее отстоящую от нее на какое-то прагматическое расстояние.

Вернемся к данным, приведенным в табл. 13. Что значит, что наречие (*здесь* или *тут*) попадает в контрастную конструкцию? Это означает, что место, обозначенное каждым из этих наречий, противопоставляется некоторому другому месту:

(36) *И тут* (указание УП) *графина с водой нет* (т.е. графина с водой нет не только в том месте, где сейчас находится говорящий, но и в других местах, где говорящий был ранее) (Ю. Чулюкин, Б. Бедный. Девчата, к/ф, 1961)

(37) *Вот здесь* (указание УП) *у нас было особенно трудно* (т.е. трудно было и в других местах) (М. Захаров, Г. Горин. Убить дракона, к/ф, 1988)

Следовательно, здесь мы имеем дело с аналогом противопоставления *здесь/тут* как единого дейксиса дальнему наречию *там*. Поскольку *здесь/тут* в этом случае выступают как единый дейксис, обозначающий близость объекта к говорящему, то и их жестикуляционное сопровождение не различает наречий *здесь* и *тут*, а функционирует на их фоне как на фоне единого дейксиса (т.е. выбор между указанием УП или ОЛ осуществляется не под влиянием значения соответствующего наречия, а под влиянием сторонних факторов, которые мы уже перечисляли в сноске 14).

Приведем примеры нейтральных контекстов:

(38) *Прибери-ка тут* (указание УП) *хорошенько*. (Г. Панфилов, Васса, к/ф, 1982)

(39) *Может быть, здесь* (указание ОЛ) *были посторонние?* (С. Говорухин и др. Ворошиловский стрелок, к/ф, 1999)

В нейтральных контекстах не предполагается противопоставления наречий *здесь* и *тут* какой-то третьей, дальней позиции, в результате их единство распадается, и на первый план выступают различия уже между двумя этими наречиями. Соответственно, в нейтральных контекстах жестикуляционное сопровождение апеллирует уже не к единству *здесь* и *тут*, а к их различию, и на первый план выходит противопоставление поляризованного жеста УП, которое передает идею расстояния и точечного характера объекта указания (*здесь*), диффузному указанию ОЛ, которое передает отсутствие дистанции, т.е. близость к говорящему, а также объемность и временное развитие событийного контекста (*тут*), что и приводит к соответствующему нарушению симметрии в употреблении данных жестов.

5. Заключение

Итак, в данной статье мы попытались показать следующее.

1. Различия между полными синонимами можно сформулировать, обратившись к статистическим характеристикам типичных для этих полных синонимов контекстов. «Мягкие» семантические различия между полными синонимами проявляются в виде предпочтения того или иного типа сочетаний.

2. Полные синонимы *здесь* и *тут* различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для *здесь* такая дистанция более характерна, чем для *тут*: *здесь* употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия *тут* говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, *здесь* и *тут* различаются типом объекта указания: для *здесь* характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода «черной капсулы»; наречие *тут* трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, *здесь* указывает на некоторое место, а *тут* указывает на событие, протекающее в некотором месте.

В связи со сказанным нам следует еще раз вернуться к табл. 1, в которой была указана относительная частота наречий *здесь* и *тут* в разных прозаических жанрах. Представляется, что теперь мы можем с уверенностью утверждать, что наречия *тут* и *здесь* различаются не как «разговорное» и «литературное». Поскольку *тут* отсылает не к месту, а к событию, происходящему в данном месте, его повышенная частотность в жанрах, для которых нарратив, т.е. повествование о событиях, характерен в большей степени, чем несюжетное, констатирующее описание, вполне логичен. Поскольку *здесь* описывает ситуацию с объективной точки зрения, а *тут* маркирует и проявляет точку зрения и позицию говорящего, то предпочтение, оказываемое *тут* в жанрах, связанных с изложением личной точки зрения говорящего, следует считать вполне естественным. Именно поэтому *тут* в гораздо большей степени характерно для художественной и разговорной речи, чем для публицистики и других нехудожественных жанров, и при этом и *здесь*, и *тут* относятся к литературной речи.

3. Наречия *здесь* и *тут*, как и другие дейксисы, будучи употреблены в устной речи, представляют собой мультимодальные кластеры, т.е. в случае, если *здесь* и *тут* в устной речи сопровождаются дейктическими жестами (в статье рассматривались только жесты рук), выбор жеста и его структура обычно изоморфны семантической и референциальной структуре дейксиса.

4. В связи с таким изоморфизмом *здесь* предпочитает сочетания с указанием указательным пальцем (УП), а *тут* — сочетания с указанием открытой ладонью (ОЛ). Это связано с тем, что указание УП предполагает некоторую дистанцию между субъектом и объектом указания и трактует объект указания как локализованную в пространстве точку; указание же ОЛ не акцентирует дистанцию между субъектом и объектом указания, а объект указания трактует как диффузно распределенный в пространстве и времени и объемный.

5. Наречия *здесь* и *тут* в качестве единого комплекса, обозначающего близость некоторого места к говорящему, противостоят наречию *там*; в случае же, если *здесь* и *тут* используются в нейтральных, неконтрастных контекстах, не предполагающих противопоставления отдаленным предметам, *тут* означает максимальную близость к говорящему, имея своим референтом точку расположения говорящего в событийном континууме, а *здесь* фиксирует

положение объекта указания вблизи говорящего, но вне его личной сферы, т.е. на некотором отдалении. Следовательно, можно говорить о том, что в зоне местоименных наречий места в русском языке сформирована не стандартная двухчастная, а трехчастная система.

6. *Здесь*, по сравнению с *тут*, является полнозначным и полноударным словом и, соответственно, чрезвычайно редко употребляется как клитика, в отличие от дейктических слов *вот, вон, там, тот, тут, это, этот*, для которых употребление в качестве клитики является стандартным и достаточно частотным.

7. И наконец, проведенное исследование позволяет сделать некоторые утверждения, касающиеся дейктической жестикуляции в целом, уже без учета семантических особенностей конкретных дейксисов:

1) указание **открытой ладонью**

- а) апеллирует к объему, трехмерному пространству, изменяющемуся во времени;
- б) не устанавливает какого-то специального расстояния (реального или прагматического) между субъектом и объектом указания;

2) указание **пальцем**

- а) фиксирует некоторую точку в пространстве и тем самым вычленяет ее из пространственно-временного континуума как некий отдельный, самостоятельный и, соответственно, важный объект;
- б) предполагает наличие некоторой дистанции (реальной или прагматической) между субъектом и объектом указания.

Таким образом, дейктическая жестикуляция, сопровождающая устную речь, может рассматриваться как один из способов диагностировать наличие в данной зоне устного высказывания того или иного компонента значения, даже если он не выражен другими лингвистическими средствами.

Разумеется, все сделанные в данной работе выводы и умозаключения носят гипотетический и вполне дискуссионный характер, тем не менее мы надеемся, что некоторые существенные свойства русских местоименных наречий и русской дейктической жестикуляции нам удалось описать вполне доказательно.

Л и т е р а т у р а

- Андреева 2011 — Е. Г. Андреева. Асимметрия лингвокультур: мораль и нравственность vs. morality // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011» (Санкт-Петербург, 27—29 июня 2011 г.). СПб., 2011. С. 74—79
- Бюлер 1993 — К. Бюлер. Теория языка. М., 1993
- Гольдин 1998 — В. Е. Гольдин. Заметки о частице «вот» // Лики языка. М., 1998. С. 40—47
- Гришина 2008 — Е. А. Гришина. Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia 34). Хельсинки, 2008. С. 63—91
- Гришина 2010 — Е. А. Гришина. Микроизменения в акцентологической системе русских прилагательных по материалам Национального корпуса русского языка // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М., 2010 (в печати)
- Гришина 2011a — Е. А. Гришина. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10(17). М., 2011. С. 243—257
- Гришина 2011b — Е. А. Гришина. *Да* в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35(2). S. 169—207

- Гришина 2012 — Е. А. Гришина. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // ВЯ (в печати)
- Крейдлин 2007 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге Па. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). Вып. 6(13). М., 2007. С. 320—327
- Лауфер 2007 — Н. И. Лауфер. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). Вып. 6(13). М., 2007. С. 353—358
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка. М., 2009
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Изд. 2, испр. и доп. М.—Вена, 2004
- Рубинштейн 2004 — М. Л. Рубинштейн. Пути грамматикализации пространственных местоименных наречий: начало исследования (на материале русских *тут/там* в сравнении с английскими *here/there*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции (Верхневолжский, 2—7 июня 2004 г.). Вып. 3(10). М., 2004, с. 526—529
- Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008
- Kendon, Versante 2003 — A. Kendon, L. Versante. Pointing by Hand in “Neapolitan” // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet. Mahwah, NJ, 2003. P. 109—136
- Müller 2008 — C. Müller. What gestures reveal about the nature of metaphor // A. Cienki, C. Müller (eds.). Metaphor and Gesture. Amsterdam. 2008. P. 219—245

E. A. Grishina. Zdes’ vs. tut ‘here’: Corporal and Gestural Analysis of Complete Synonyms

The paper describes the differences between two Russian pronominal adverbs, *zdes’* and *tut* ‘here’, which are full synonyms. The author analyzes the data of Russian National Corpus from the statistical and semantic points of view and concludes that *zdes’* refers to some location, which is situated near to a speaker, but out of a speaker’s private zone. On the contrary, *tut* refers to the event, which takes place at some location, and a speaker positions him/herself as a central component of this event. The analysis of the gestural accompaniment of these pronominal adverbs, which has been carried out on the data of the Multimodal Russian Corpus, shows that *zdes’* is regularly accompanied with index finger pointing, while *tut* prefers pointing with open hand. The reason of this gestural distribution relates to the inner form of the correspondent gestures.

Key words: full synonyms, corporal analysis, gesticulation, deictic gestures

